DOI: 10.17976/jpps/2018.06.04

ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ПОЛИЦЕНТРИЧНОМУ МИРОПОРЯДКУ

В.И. Пантин, В.В. Лапкин

ПАНТИН Владимир Игоревич, доктор философских наук, зав. отделом ЦСЭПИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва. Для связи с автором: v.pantin@mail.ru; **ЛАПКИН Владимир Валентинович**, ведущий научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва. Для связи с автором: vvlh@politstudies.ru

Пантин В.И., Лапкин В.В.. Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку. – Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 47-66. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.04

Статья поступила в редакцию: 16.08.2018. Принята к печати: 05.09.2018

Аннотация. В статье анализируются основные факторы, тенденции и перспективы трансформации политических пространств в контексте перехода к полицентричному мировому порядку. При этом под трансформацией политических пространств понимается прежде всего изменение структуры отношений действующих в нем политических субъектов в политико-институциональной, политико-идентитарной и социально-политической сферах, ведущее к изменению их геополитического значения и мирополитического статуса. Среди факторов, оказывающих заметное влияние на трансформацию и реконфигурацию политических пространств, авторы особо выделяют следующие: 1) усиление роли в мировой политике и экономике незападных стран; 2) миграционный кризис и раскол элит в странах Европейского союза и в США; 3) явления сецессии, сепаратизма и "нового национализма" в странах ЕС; 4) обострение отношений США с Россией, Китаем и с ЕС; 5) противоречивые последствия технологических, социальных и политических инноваций. Исследователи концентрируют свое внимание на аналитическом и прогнозирующем потенциале институциональных, миросистемных и системно-эволюционных подходов к изучению трансформации политических пространств – как той, что уже имеет место, так и тех, что, вероятно, произойдут в ближайшие 25 лет. Авторы показывают, что в современную эпоху переформатирование политических пространств (включая рост сепаратизма, региональных конфликтов и геополитических сдвигов) в первую очередь связано с конкурентной динамикой мировых или региональных центров политической, экономической и военной мощи, с формированием ими различных региональных союзов и объединений. Основываясь на анализе этих тенденций в среднесрочной перспективе, авторы очерчивают и анализируют наиболее вероятные сценарии крупномасштабной перестройки политических пространств и возможный результирующий геополитический сдвиг в направлении полицентрического миропорядка.

Ключевые слова: политические пространства; трансформация политических пространств; мировой порядок; полицентризм; сепаратизм; политические институты; мировые центры силы; региональные союзы; геополитическая и геоэкономическая революция; Европейский союз; США; Россия; Китай.

В первые десятилетия XXI в. в мировой политике, на фоне почти консенсусной констатации кризиса либерального миропорядка и – в последние годы, – завершения длительного периода его гегемонии, наметилась тенденция становления новых принципов мироустройства, акцентирующих его полицен-

тричную структуру и сосуществование в нем различающихся по своей природе цивилизаций. Этот новый тренд вполне ощутимо проявился как в сферах геополитики и социальной организации (см., например [Zakaria 2008; Bahramian 2012; Multipolarity... 2012; Etzioni 2012; Мир 2035... 2017; Duncombe, Dunne 2018]), так и – в формах своего рода "когнитивного замешательства" – в дискурсах соответствующих академических дисциплин (см., например [Layne 2006; Zakaria 2008; Monteiro 2011/2012; Ikenberry 2011; 2018a; 2018b; Ikenberry, Parmar, Stokes 2018; Reich, Lebow 2014; Acharya 2014])[1].

События в различных регионах мира показали принципиальную внутреннюю неустойчивость формирующегося с начала 1990-х годов моноцентричного (униполярного) мирового порядка, ставшую фактором, провоцирующим многочисленные внутри- и внешнеполитические противостояния и конфликты[2] [Mearsheimer 2001; Walt 2005; Arrighi 2007; Brooks, Wohlforth 2008; Jervis 2009; Ikenberry, Mastanduno, Wohlforth 2009; Todd 2010; Schweller, Pu 2011; Layne 2012; Kai 2012; Monteiro 2014; Steff, Khoo 2014; Шаклеина 2015; Gordon 2016; Colgan, Keohane 2017; Tizzard 2017][3]. При этом, главное, "моноцентризм" в мировой политике оказался дисфункциональным в отношении обеспечения глобального процветания и безопасности, продвижения демократических практик, упрочения гарантий прав и свобод человека, в том числе в сферах культуры и образования. Конфликты в бывшей Югославии, в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, Йемене, на территории Украины, на Корейском полуострове и в других "горячих точках" выявили серьезные дисбалансы и противоречия в основании этого миропорядка, наличие сохраняющихся (латентных) мировых центров силы, привносящих разлад в чаемую "гармонию униполярности".

Вместе с тем эти конфликты показали незаинтересованность и неспособность западных элит регулировать их, ориентируясь на достижение взаимоприемлемого консенсуса. Напротив, моноцентричный миропорядок внушал западному политическому истеблишменту уверенность в том, что интересы Запада и есть универсальные интересы, лучшим образом подходящие для любого иного (инокультурного) сообщества. И, стало быть, именно западные интересы необходимо продвигать повсюду во имя всеобщего процветания, не стесняясь применения силы, в том числе и против местного гражданского населения, разрушая инфраструктуру и уклад жизни сопротивляющихся государств, насаждая на этих разоренных территориях социально-политический хаос, провоцируя терроризм и порождаемые им потоки беженцев.

[1] См. также: Nye J. The New Rome Meets New Barbarians. – *The Economist*. 23.03.2002. URL: https://www.economist.com/by-invitation/2002/03/21/the-new-rome-meets-the-new-barbarians (accessed: 10.08.2018); Burrows M. George R. Is America Ready for a Multipolar World? Washington Must Be Clear-Eyed about What Comes Next. – *The National Interest*. 20.01.2016. URL: https://nationalinterest.org/feature/america-ready-multipolar-world-14964 (accessed 10.08.2018).

[2] Один из основателей неореалистического подхода к исследованию мировой политики Кеннет Вальц еще в начале 1990-х годов внес коррективы в свои первоначальные представления о жизнеспособности и структурной устойчивости униполярного миропорядка. Утверждая, что "реализм – лучшая теоретическая идея для понимания международной политики и короткого будущего первенства США", он вынужден был признать в качестве вывода из собственных теоретических построений, что униполярность как структурный принцип организации миропорядка "наименее долговечна в международных конфигурациях" [Waltz 1993: 52].

[3] См. также текст профессора Яна Бурумы: Buruma I. The End of the Anglo-American Order. – *New York Times Magazine*. 29.11.2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/11/29/magazine/the-end-of-the-anglo-american-order.html (accessed 07.08.2018).

В результате политика "управляемого хаоса" все чаще перерастала в стихию хаоса неуправляемого, что стало к началу XXI в. одной из отличительных черт политического развития на Ближнем Востоке, в Северной и Тропической Африке, на постсоветском пространстве и в некоторых других регионах. Еще в большей степени риски дестабилизации всего мирового порядка обусловлены обостряющимися внутриполитическими расколами и противостояниями в США и в странах Европейского союза [Mann 2012; Вайнштейн 2015; Семененко 2016; Stokes 2018], с нарастающими в рамках западного сообщества фундаментальными межгосударственными противоречиями. Действия элит западных стран, зачастую решающих свои внутриполитические и социально-экономические проблемы, провоцируя международную напряженность и военные конфликты вдалеке от своих границ, преследуют эгоистические цели "национального сплочения" и укрепления пошатнувшегося "единства западного мира" ценою хаотизации политических режимов незападных стран. В свою очередь, в незападных странах нарастает разочарование в способности Запада соответствовать провозглашенной им самим миссии лидера, ведущего "объединенные нации" к процветанию. Все эти перемены в конечном счете инициировали процессы переформатирования и реконфигурации политических пространств в различных частях мира, причем в силу глобализации это переформатирование[4] приобрело по сути характер *цепной реакции*. Основные причины и факторы этих процессов в условиях глобализации и регионализации зачастую оказываются взаимосвязанными или, по крайней мере, взаимодействующими, причем иногда довольно неожиданным и парадоксальным образом[5]. Их рассмотрению будет посвящено последующее изложение. При этом внимание будет уделено в первую очередь теоретическому анализу масштабных трансформаций *политических пространств* современного глобального мира, противоречивых процессов их дифференциации и дезинтеграции и одновременной интеграции на новых основаниях, а также формированию в ходе этой трансформации новых контуров мирового порядка.

Пространственный аспект анализа перемен в мировой политике подразумевает первостепенное внимание к структурным изменениям в организации современных политических пространств, обусловленным становлением новых институциональных форм взаимодействия ключевых субъектов мирового развития. Под *политическими пространствами* мы понимаем структурно и нормативно организованную сферу взаимодействий политических субъектов (формирующую континуум бытия мира политики). Обращение к концепту *политического пространства* позволяет решить проблему структурирования политической реальности, чувственного опыта *homo politicus* (существа, по

[4] Под переформатированием (реконфигурацией) политического пространства здесь понимается прежде всего трансформация структуры отношений действующих в нем политических субъектов в политико-институциональной, политико-идентитарной и социально-политической сферах, ведущая к изменению их геополитического значения и мирополитического статуса на уровне национальной, наднациональной или глобальной политики.

[5] Так, взаимосвязь миграционного кризиса в Европе и событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке после "арабской весны" вполне очевидна и непосредственна. Менее очевидна связь фундаментальных технологических сдвигов и глобальных геополитических изменений. Существование такой связи обнаруживается лишь с использованием особых теоретико-методологических подходов и путем специальных исследований [Modelski, Thompson 1996; Akaev, Pantin 2014; Пантин, Лапкин 2014: 248-288]. Равно как и влияние экономического роста Китая, Индии и ряда других азиатских стран – на усиление глобальных расколов в политической и военно-стратегической сферах [см. например Toohey, Picker 2015; Grinin 2013; Гринин, Коротаев 2016].

Аристотелю, созданного для жизни в государстве), взаимоотношений погруженных в эту реальность субъектов. Политические субъекты, принимающие в качестве связывающих обязательств соответствующие нормативные и институциональные ограничения, создают тем самым саму возможность политического взаимодействия, а вместе с тем – особое политическое пространство, в котором такие взаимодействия оказываются осуществимы. В частности, до недавнего времени в качестве основного *политического пространства* мира модерна рассматривалось пространство государства-нации. Сегодня политический анализ глобальных трендов невозможен без вовлечения в него процессов, происходящих в иных, прежде всего субнациональных, региональных и наднациональных пространствах, в которых развертываются трансграничные (с точки зрения по-прежнему господствующей государственно-национальной терминологии) взаимодействия различных политических акторов. Организация политических пространств тесно связана с территориальной и пространственной идентичностью макросообществ, их институциональной структурой, историей и культурой (см., например [Прохоренко 2015; Пушкарева 2017; Окунев 2018]). Наиболее важным для дальнейшего изложения представляется исследование характера взаимосвязей мировых центров политической, экономической и военной силы в рамках этих политических пространств, а также выявление основных субъектов и тенденций переформатирования соответствующей пространственной структуры. Но прежде необходимо прояснить факторы структурной реорганизации политических пространств в связи с переходом к новому миропорядку и проанализировать некоторые методологические подходы к изучению этих трансформаций.

Основные факторы изменения политических пространств

Наметим основные факторы переформатирования политических пространств в современных условиях трансформации миропорядка.

Во-первых, это происходящие глобальные демографические, социальные, институциональные, экономические и политические сдвиги, ведущие к постепенному усилению роли незападных стран в мировой политике и экономике [Акимов, Яковлев 2012; Фергюсон 2016: 11-12]. Изменение соотношения сил между Западом и не-Западом медленно, но верно ведет к кризису западоцентричного мирового порядка и связанной с ним и привычной для нас организацией политических пространств. Это сопряжено с утратой контроля и эффективности политического и финансово-экономического давления Запада на политику незападных стран, что стимулирует стремление последних к самостоятельности и защите своих партикулярных интересов, понимаемых все чаще как расходящихся с интересами США и Запада в целом. Тем самым формируются новые субъекты мирового развития, противопоставляющие тенденции частичной самоизоляции западных элит стремление к сотрудничеству, кооперации и интеграции поверх культурных, цивилизационных и идеологических различий. В качестве примера крайне болезненной реакции Запада на такого рода тенденции приведем отказ президента США Д. Трампа от участия в Транстихоокеанском партнерстве, в результате чего дальнейшее развитие этого партнерства пошло без Соединенных Штатов. Другими примерами могут служить начавшаяся в результате множащихся серьезных геополитических противоречий торговая война между США и Китаем; проблемы в отношениях между США и ЕС, связанные с Трансатлантическим партнерством и переросшие

в таможенные и санкционные войны; открыто ставший принципом внешней политики США лозунг "*America First!*", проводимый администрацией Трампа часто вопреки объективным процессам межрегиональной и глобальной политической и экономической интеграции. Это явно контрастирует с процессами развития Транстихоокеанского партнерства и АСЕАН, объявлением Китаем своей роли гаранта развития глобализации и глобального развития, динамикой экономической и политической интеграции в рамках БРИКС, ШОС, ЕАЭС. Многочисленны свидетельства стремления незападных элит к сотрудничеству и кооперации в различных областях экономики, политики и социальной сферы. В итоге происходит постепенное, но масштабное и динамичное переформатирование политических пространств современного мира.

Во-вторых, важным фактором происходящего переформатирования политических пространств является миграционный кризис в западных странах. Из-за него с 2015 г. резко усилился раскол европейских элит и национальных сообществ (прежде всего в Великобритании, Германии, Франции, Италии, Испании, Польше, Венгрии, Чехии, Словакии; см. например [Арбатова 2017]). Этот политический раскол при сохранении внешнего экономического благополучия и при по-прежнему высокой ресурсной (прежде всего финансовой) обеспеченности развития в сочетании с кризисом задолженности и миграционным кризисом стал специфическим фактором социально-политических трансформаций и переформатирования политических пространств внутри самого Евросоюза. Так, внутри ЕС наметилось разделение на по-разному сконфигурированные группы стран с разными интересами в отношении проблем занятости, экономического роста, путей разрешения миграционного кризиса, развития связей с Россией, США и Китаем. Последствия этой целой совокупности расколов труднопрогнозируемы, но очевидно, что западные общества стремительно утрачивают свою прежнюю культурную, цивилизационную и социальную целостность, политически трансформируются.

В-третьих, явления сецессии и сепаратизма в странах ЕС приобретают новый, подчас неожиданный характер. Ранее сепаратистские настроения доминировали прежде всего в наиболее отсталых, бедных регионах европейских стран. Теперь же эти настроения присущи скорее богатым европейским регионам с высоким уровнем жизни (события в Каталонии в 2017 г., сепаратистские тенденции в Шотландии и в области Венето на севере Италии и др.). Неслучаен и успех на парламентских выборах в Италии в 2018 г. таких партий, как "Лига Севера" и "Пять звезд", выступающих за изменение отношений внутри Европейского союза. *Brexit* также можно рассматривать одновременно и как своеобразное проявление "европейского сепаратизма", и как яркое свидетельство роста противоречий внутри ЕС [Холодковский 2016]. Но и "новый сепаратизм", и *Brexit* – это только верхушка айсберга. Гораздо более серьезными проявлениями кризиса внутри западных обществ и одновременно свидетельством изменения мирового порядка служат стремительный рост отчуждения западных элит от большинства общества, рост популизма, абсентеизма и усиление протестных настроений [Фергюсон 2016; Вайнштейн 2018]. В них проявляется латентное нарастание дисфункций прежней, сформированной по итогам Второй мировой войны американоцентричной мировой финансовой системы, обеспечивавшей Западу до недавнего времени бесперебойный и эксклюзивный доступ к так называемому *мировому доходу*. Эти социально-политические и финансово-экономические дис-

функции в совокупности носят долговременный характер и также способствуют переформатированию политических пространств.

Следствием этого латентного неблагополучия "мировых финансов" (глобального редистрибутивного механизма, обеспечивавшего устойчивое доминирование Запада и США как его безусловного лидера) стало (и это в-четвертых) обострение отношений между США и другими значимыми экономическими и политическими субъектами современного мира. Балансирование на грани перехода от холодной к "горячей" войне приобретает долговременный и во многом необратимый характер, являясь еще одним симптомом неустойчивости прежнего моноцентричного миропорядка и предвестником грядущих изменений. Фундаментальная противоречивость становится характерной чертой внутриполитической и внешнеполитической стратегии глобального лидера. С одной стороны, сегодня США устами президента Д. Трампа провозглашают и реализуют некоторые идеи изоляционизма, преимущественной переориентации на свои собственные внутриполитические и экономические проблемы, а с другой стороны, продолжают считать сферой своих национальных интересов весь мир и лишь наращивают все более неприкрытое вмешательство в дела других государств, как сюзерен в дела своих вассалов. Это в конечном счете мнимое противоречие выдает латентную логику американского лидерства: США декларируют свою ответственность за глобальное развитие, поскольку считают таковым лишь то, что улучшает благополучие самой Америки. Сценарии, предполагающие процветание других народов при упадке Америки, неприемлемы, объявлены "ревизионистскими" и требующими решительного пресечения всеми доступными США способами. Инерция самодостаточности, характерная сегодня для самопровозглашенного и единственного "центра мира", пренебрежительно-агрессивное отношение западных элит ко всем, кто хоть в чем-то не согласен с сегодняшним Западом, представляет собой важнейший фактор глобального риска, прежде всего в силу ее несоответствия быстро меняющимся геополитическим реалиям современности, новому глобальному контенту, формируемому за пределами "западного мира".

Наконец, в-пятых, среди факторов изменения миропорядка и реконфигурации политических пространств следует отметить неоднозначные и противоречивые последствия технологических, социальных и политических инноваций. Среди них – кризис всей партийно-политической системы представительной демократии, поглощение социал-демократии и других левых движений неолиберализмом, рост популизма, "мониторинговая демократия", усиление влияния идеологии и практики неотроцкизма среди неоконсервативных элит, их ставка на "цветные революции" и государственные перевороты, информационные войны и иные способы манипулирования сознанием электората.

На фоне стремительных политических изменений и структурных сдвигов можно наблюдать драматическое отставание теоретического осмысления происходящих процессов. Идеологизированные, односторонние представления и установки не дают исследователям возможности трезво оценить происходящее и понять его. По сути дела, речь идет об игнорировании или о значительном преуменьшении глобальных изменений, особенно если они не укладываются в западоцентричную или в какую-либо иную господствующую в данный период парадигму. Это лишь обостряет необходимость критического переосмысления существующих концепций и выработки новых, более адекватных подходов

к исследованию кризисных трансформаций мирового порядка и геополитических сдвигов – с особым вниманием к тем подходам и концепциям, которые позволяют понять причины формирования в современном мире новых и переформатирования прежних политических пространств.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ, МИР-СИСТЕМНЫЙ И СИСТЕМНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Авторы не ставят перед собой задачу в одной статье рассмотреть все существующие подходы к анализу изменения политических пространств, речь идет лишь о выделении нескольких, как нам представляется, наиболее перспективных исследовательских подходов. С нашей точки зрения, к числу таковых подходов, способных уловить происходящие масштабные трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному мировому порядку, относятся прежде всего *институциональный*, *мир-системный* и *системно-эволюционный*. В связи с этим основной акцент в данной статье будет сделан именно на них, что дает возможность не только понять некоторые внутренние механизмы происходящих трансформаций политических пространств, но и выявить некоторые важные тенденции, которые будут определять их динамику и переформатирование на ближайшее будущее. Разумеется, в числе значимых следует отметить и другие исследовательские подходы (например, цивилизационный, социокультурный, идентитарный); но те три, на которых будет сконцентрирован анализ в рамках данной статьи, позволяют *в первом приближении* выявить наиболее значимые тренды трансформации политических пространств.

Институциональный подход важен в том отношении, что подчеркивает роль формальных и неформальных институтов как ключевых правил взаимодействия между политическими акторами внутри отдельных обществ и на международной арене. Институты играют ключевую роль в стабильном и динамичном развитии различных сообществ, в формировании и развитии политических пространств. При этом переформатирование политических пространств сопровождается (как правило, с некоторым временным лагом) изменением и переформатированием социальных институтов. Следует, однако, отметить, что представители институционального подхода зачастую несколько переоценивают эффективность западных социальных и политических институтов, представляя их как "идеальный образец" для всех остальных обществ с иной культурой, иной историей, иными ценностями. Между тем, как показывает исторический опыт, многочисленные попытки "пересадить" сформировавшиеся на Западе социальные, экономические и политические институты обществам с иной культурно-цивилизационной основой (будь то Россия, другие государства постсоветского пространства, страны Ближнего Востока, Африки и др.) неизменно оканчивались либо провалом, либо радикальной "перекройкой" этих институтов, их "посадкой" на местную социокультурную "почву".

Более того, нельзя не заметить, что многие принципиально важные институты в самих современных западных обществах либо деградируют, либо находятся в стадии кризисной трансформации. В этом плане показательна работа известного британского политолога и историка Ниала Фергюсона с характерным названием "Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства" [Фергюсон 2016]. В своей работе Фергюсон писал о происходящем упадке ключевых институтов западного общества – институтов демократии,

капитализма (рыночной экономики), верховенства права и гражданского общества. Все эти комплексы институтов, как убедительно показал Фергюсон, в современных западных обществах в той или иной степени деградируют либо же находятся в кризисе. Фергюсон вполне справедливо предостерегал и от излишнего техноoптимизма, так как новые и новейшие технологии в условиях упадка институтов гражданского общества и государственных институтов способны скорее обострить социальное неравенство и политические конфликты, чем смягчить их.

Кроме того, невозможно игнорировать постепенную деградацию и размывание международных экономических и политических институтов – ВТО, МВФ, Всемирного банка, ООН и ее Совет Безопасности и др., которые были созданы после и по итогам Второй мировой войны [Клаус 2016: 10]. Эти международные институты либо теряют свою эффективность, либо превращаются в инструмент, с которым в одних случаях считаются, а в других случаях – нет. Одновременно усиливается роль новых международных организаций – БРИКС, ШОС, АСЕАН, G-20 и др., что, с нашей точки зрения, свидетельствует о начавшемся изменении мирового порядка в направлении усиления полицентризма.

Неизбежность трансформаций политических пространств и на Западе, и во всем мире связана с институциональными сдвигами и изменениями. Какого рода будут эти трансформации, пока что сказать трудно. Однако в целом прослеживается весьма парадоксальная и, на первый взгляд, трудно объяснимая тенденция. По мере того, как Запад и его институты становятся все более глобальными и универсальными, все больше обнаруживается ограниченность политического пространства западной цивилизации. Запад, достигнув ступени "универсальной цивилизации" [Лапкин, Пантин 2004: 192-220] с универсальными же институтами в виде демократии, рынка, права, гражданского общества, как будто одновременно и расширяется, и "сжимается", а само западное сообщество и связанные с ним политические пространства начинают фрагментироваться, раскалываться, размываться. Разгадка этого парадокса состоит, как нам представляется, в том, что, выйдя за естественные пределы своего ареала и своего политического пространства, западные институты неизбежно стали трансформироваться, перерождаться и размываться, причем не только в незападных обществах, но и на самом Западе. Поскольку процесс "универсализации" Запада необратим, необратимы и процессы трансформации и перерождения институтов, а вместе с ними и политических пространств, так или иначе связанных с Западом. Таким образом, институциональный подход позволяет в самом первом приближении не только объяснить происходящее, но и до некоторой степени спрогнозировать ближайшее будущее.

Другой важный подход, позволяющий пролить свет на процессы трансформации, реконфигурации и переформатирования политических пространств, это *мир-системный подход*. Сразу отметим, что этот подход в классической интерпретации И. Валлерстайна [Wallerstein 2004] во многом является сугубо западоцентричным и не позволяет адекватно объяснить происходящие в настоящее время геополитические и геоэкономические сдвиги. В то же время другие, более гибкие и актуализированные интерпретации мир-системного подхода, особенно у А.Г. Франка [Frank 1998], Дж. Арриги [Arrighi 1994], Л. Гринина и А. Коротаева [Grinin, Korotayev 2009; Гринин, Коротаев 2016], как представляется, гораздо более плодотворны для исследования наблюдаемой в настоящее время трансфор-

мации и реконфигурации политических пространств. Происходящие, согласно А.Г. Франку, периодические перемещения центра тяжести экономического и политического развития с Востока на Запад и обратно с Запада на Восток, а также наступление, согласно Дж. Арриги, вслед за американским циклом накопления капитала азиатского цикла накопления способны объяснить многие важные причины изменения политических пространств в различных странах и регионах мира. Отметим, что хотя ключевая роль в этих процессах принадлежит Китаю, бурное развитие которого влияет на переформатирование политических пространств в США, ЕС, России, других постсоветских государств, Дж. Арриги подчеркивал также важную роль других азиатских стран – Японии, Южной Кореи, Индии и др. В итоге мир-системный подход в его более глубокой и действительно глобальной интерпретации дает возможность увидеть происходящие геополитические и геоэкономические сдвиги, ведущие к радикальному переформатированию политических пространств, включая Северную и Южную Америку, страны ЕС, постсоветское пространство, Восточную Азию, Ближний Восток, Северную и Тропическую Африку.

В то же время весьма перспективным для понимания происходящих геополитических сдвигов и трансформаций политических пространств представляется также *системно-эволюционный подход*, рассматривающий процессы глобальной динамики в парадигмальных рамках эволюционного развития системы мировых центров политической и экономической силы [Modelski 1987; Modelski, Thompson 1996; Модельски 2005a; 2005b; Пантин, Лапкин 2014]. Развитие этого подхода дает перспективную возможность теоретически обосновать возможность и эволюционную необходимость перехода к полицентричному миропорядку как более сложному в эволюционном плане (в первом приближении – в качестве структурной компенсации, связанной с глобальной нестабильностью в условиях моноцентризма).

Системно-эволюционный подход исходит из того, что главными структурно-функциональными составляющими мировой системы являются *центры политической, экономической и военной силы*, обладающие мощными системами концентрации и мобилизации ресурсов и способные эффективно защищать и продвигать свои интересы на международной арене [Лапкин, Пантин 2004: 25-66]. Важно отметить, что вокруг каждого мирового центра силы формируется определенное политическое пространство (или ряд взаимосвязанных политических пространств) со своими особенностями и структурой в виде периферии и полупериферии. Так, периферией британского центра силы в XIX – первой половине XX вв. была колониальная империя, полупериферией – Канада и Австралия, периферией Германии – некоторые государства Восточной и Южной Европы, а полупериферией – ряд стран Центральной Европы.

В рамках этого подхода выявляется динамическая иерархия мировых центров силы, включающая в каждый данный период эволюции мировой системы наличие старого центра-лидера, нового центра-лидера, старого противоцентра и нового противоцентра. Так, в период между Первой и Второй мировыми войнами старым центром-лидером была Британская империя (не государство Великобритания, а именно Британская империя), новым центром-лидером – Соединенные Штаты, старым противоцентром – Германия со своими сателлитами, новым противоцентром – Советский Союз. Именно скрытая борьба между старым и новым центром-лидером и явная борьба между старым и но-

вым противоцентром составляла основное содержание и главную драму межвоенного периода и Второй мировой войны. Разумеется, эволюция мировой системы отнюдь не сводится к открытой борьбе мировых центров силы между собой, речь идет скорее о конкуренции и нелинейной динамике развития, ведущих к постепенному изменению соотношения сил, к подъему новых и упадку старых центров политической и экономической силы.

Наиболее важные сдвиги в системе мировых центров политической и экономической силы происходят в определенных фазах циклов эволюции мировой политической и экономической системы, а именно в фазах *революции мирового рынка*, или, что то же самое – в фазах геополитической и геоэкономической революции [Пантин, Лапкин 2014: 248-265]. Одна из таких фаз пришлась на период конца 1840-х – начала 1870-х годов, когда Великобритания укрепила свои позиции мирового лидера и расширила свою колониальную систему. В то же время на мировую политическую арену вышли объединенная "железом и кровью" Германия и пережившие Гражданскую войну Севера и Юга и также объединившиеся на новой основе Соединенные Штаты Америки. Япония после "революции Мейдзи" начала стремительную модернизацию, а Россия после Крымской (по сути европейской) войны пережила "великие реформы" и также вступила на путь мучительной и сложной модернизации, развития крупной индустрии за счет крестьянства. Следующая фаза революции мирового рынка пришлась на период середины 1940-х – конца 1960-х годов, когда вся геополитическая карта мира стремительно изменилась: Германия и Япония потерпели сокрушительное поражение во Второй мировой войне, распались колониальные системы европейских государств, Великобритания уступила мировое политическое и экономическое лидерство Соединенным Штатам, возникла "биполярная" система международных отношений. Наконец, в период конца 2010-х годов мир вступил в очередную фазу революции мирового рынка (которая продлится до начала 2040-х годов): гегемония США поставлена под вопрос, Китай успешно теснит своих конкурентов не только в экономике, но и в мировой политике, а Запад и Россия находятся в состоянии информационной, политической, дипломатической, экономической и психологической войны. Как следует из системно-эволюционного подхода и из анализа происходящих политических процессов, в ближайшие два десятилетия определятся совершенно новые контуры мира, и скорее всего, этот мир станет полицентричным. Следствием станет неизбежное и кардинальное переформатирование политических пространств, причем оно затронет, в той или иной степени, большинство государств мира и все существующие региональные политические и экономические союзы. Фактически мир переживает период масштабной геополитической и геоэкономической революции, который, скорее всего, продлится до начала 2040-х годов [Пантин, Лапкин 2014: 280-288].

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Формирование и развитие мировых центров политической и экономической силы в современную эпоху происходит не в виде национальных государств, а прежде всего в виде региональных политических и экономических союзов, которые складываются между странами с общей или близкой культурно-цивилизационной основой [Huntington 1996; Айвазов, Пантин 2018]. Во главе этих региональных союзов и объединений стоят наиболее крупные и сильные много-

национальные государства, обладающие мощными системами концентрации и мобилизации ресурсов для достижения своих политических целей (например, США во главе НАФТА, ФРГ во главе ЕС, Китай во главе Восточноазиатского партнерства, Россия во главе ЕАЭС и т.д.). Особое положение занимает Индия, которая из-за многочисленности своего населения, значительных этнических, политических и социально-экономических различий сама представляет собой аналог регионального союза индийских штатов. Среди проблем Индии также слишком тесная вовлеченность в западный сегмент глобального мира при том, что религия, традиции и ценности самого индийского общества коренным образом отличаются от западных. Среди потенциальных региональных (но не мировых) центров следует также особо отметить Иран и Турцию (с их претензиями на лидерство, соответственно, в шиитском и суннитском мирах).

Каждый мировой центр политической, экономической и военной силы представляет собой не просто общий рынок, а особую политическую и культурно-цивилизационную общность со своей системой мобилизации ресурсов (природных, финансовых, технологических, культурных, интеллектуальных, символических и др.), которая формирует определенное политическое пространство. При этом важно обратить внимание не только на культурную и институциональную специфику политико-социальной сферы этих центров, но и на тот специфический институциональный климат, который характеризует сферу их политики и экономики.

Согласно системно-эволюционному подходу, основная тенденция трансформации и переформатирования политических пространств состоит в том, что мировые центры силы со своим ближайшим окружением (полупериферией) представляют собой пространства наиболее динамичного политического и экономического развития. В качестве примеров можно привести Китай вместе с другими государствами Восточной Азии, США вместе с Канадой и Мексикой, ФРГ вместе с другими странами Центральной и Южной Европы. В то же время наиболее интенсивные процессы переформатирования политических пространств, их разделения и дифференциации, как правило, затрагивают периферийные по отношению к мировым центрам силы страны (например, страны Ближнего Востока, Северной и Тропической Африки), а также страны культурно-цивилизационных разломов, существующие на стыке зон влияния различных центров силы (региональных союзов) и не сумевшие из-за разнородности политических и культурных ориентаций как внутри элиты, так и внутри общества стать неотъемлемой и эффективной частью ни одного центра силы (например, Босния, Албания, Молдова, отчасти страны Балтии, Таджикистан, Украина и др.).

Более того, в рамках этого подхода и исходя из тенденций развития ключевых регионов мира, можно прогнозировать, что основные очаги геополитической нестабильности и переформатирования политических пространств в ближайшие десятилетия будут включать Ближний и Средний Восток (Ирак, Сирия, Йемен, Иран, Афганистан, возможно Турция), Северную Африку (Ливия, Мали, Алжир), постсоветское пространство (Украина, Молдова, страны Центральной Азии), балканские страны (Македония, Албания), Тропическую Африку (Малави, Танзания, Уганда, Мозамбик, Нигер, Нигерия). При этом в скобках указаны либо страны с высокой социально-политической нестабильностью и наличием этнополитических конфлик-

тов, либо страны с быстрым ростом населения и высокой долей молодежи [Регулирование... 2017: 184-224; Зинькина, Коротаев 2017: 166-201]. Однако самый непривычный и во многом неожиданный прогноз состоит в том, что неоднородность политических пространств будет усиливаться также в Европейском союзе и в Северной Америке. Так, в Европейском союзе, как следствие миграционного, долгового и социально-экономического кризисов, очагами нестабильности станут, по-видимому, Греция, Италия, Испания, Болгария, Румыния. Даже Франция, Бельгия и отчасти Германия вряд ли смогут избежать внутриполитических потрясений, стимулирующих центробежные и сепаратистские тенденции внутри этих государств и внутри ЕС в целом. Что касается Северной Америки, то здесь весьма вероятно усиление противоречий между США и Мексикой, между США и Канадой, а также между отдельными штатами США и федеральным правительством.

Отметим также, что многочисленные страны, не включенные в центральное ядро классической мир-системы, до сих пор, зачастую, оказывались перед выбором: либо играть роль периферийной (в лучшем случае – полупериферийной) страны в обойме западного мира, либо выполнять функции альтернативного центра силы, вынужденного культивировать в той или иной мере антагонистическое противостояние мировому лидеру. Противостояние доминирующего центра-лидера и противодействующего ему альтернативного центра силы (противоцентра) неизбежно порождало масштабные политические конфликты и войны, которые сопровождались огромными разрушениями и человеческими жертвами. Достаточно упомянуть Первую и Вторую мировые войны, в ходе которых Германия, игравшая роль противоцентра по отношению к центру-лидеру Великобритании, пыталась утвердить свое господство в Европе и в мире. В связи с этим значимость формирующегося перспективного полицентричного миропорядка состоит в том, что он дает возможность уйти от предельно жестких, катастрофических форм такого антагонизма и дать миру условия подлинного и конструктивного сосуществования не двух, а целого ряда альтернативных культурно-цивилизационных и политических систем [Huntington 1996; Ерасов 2002]. При этом формирующийся полицентричный мировой порядок, скорее всего, будет иметь собственную, более гибкую, чем прежде, иерархию центров политической и экономической силы, но без жесткого и однозначного противоборства между центром-лидером и противоцентром.

ИЗМЕНЕНИЕ МИРОВОГО ПОРЯДКА И ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ: ОСНОВНЫЕ СЦЕНАРИИ

Как следует из концепции циклов эволюции мировой политической и экономической системы, а также из анализа динамики внутренних и международных конфликтов, период 2017-2025 гг. во многом станет переломным и решающим в процессе трансформации политических институтов и перехода к полицентричному мировому порядку [Загладин 2016; Пантин 2017]. Именно в этот период начнут вырисовываться и определяться контуры нового глобального соотношения сил и нового мирового порядка. Все эти изменения неизбежно приведут к масштабным геополитическим сдвигам, к существенному переформатированию политических пространств. Наиболее вероятными представляются два основных сценария.

1) *Катастрофический* переход к полицентричному мировому порядку через войны, революции, хаос, потрясения и разрушения. Внутренние противоречия в США будут способствовать провоцированию ими конфликтов, революций и войн в других странах, усилению хаотизации мировой политики и экономики, распространению международного терроризма, наступлению "нового средневековья" и неоархаизации, разрастанию локальных конфликтов и их превращению в региональные войны. Результатом такого варианта развития событий может стать всеобщая глобальная дестабилизация, деградация внутренних и международных политических институтов и разрушение мирового порядка как такового с последующим тяжелым и длительным формированием полицентричного миропорядка на обломках моноцентричного мира. При этом многие политические пространства, так или иначе связанные с ведущими мировыми центрами силы, включая США, ЕС, Россию, подвергнутся радикальному переструктурированию вплоть до распада и глубокой хаотизации.

2) *Эволюционный* переход к полицентричному мировому порядку, при котором внутренние и международные конфликты не смогут разрушить политические системы ведущих стран, но будут способствовать их динамичной трансформации. Китай и США останутся наиболее мощными центрами силы, но при этом они не смогут полностью подчинить себе другие центры силы – ЕС, Россию, Индию, Бразилию, наиболее крупные страны исламского мира с соответствующими региональными союзами, которые будут существовать как мировые или региональные центры силы. В этом случае политические пространства будут изменяться и трансформироваться более плавно и эволюционно, без радикального слома институциональной, социальной и идентитарной структуры.

Менее вероятны, но все же теоретически возможны еще два сценария, которые мы упоминаем, учитывая их присутствие в соответствующем дискурсе.

3) Принудительное ужесточение моноцентричного миропорядка, в ходе которого США агрессивно торпедируют любые попытки движения к полицентричному миру. Следствием такой "реанимации" моноцентричного порядка, не соответствующего культурно-цивилизационному многообразию современного мира, оказывается откровенно имперский "крен" во внешней политике США, а также усиление глобальной дестабилизации, разложение и деградация политических и экономических элит западных стран, системы ценностей общества, его культуры, институтов социального государства, распространение опасных для человека и природы военных и иных технологий. Политические пространства при этом сначала насильственно унифицируются, а затем деградируют из-за отсутствия культурного, социального и политического многообразия и мотивации к взаимодействию автономных политических субъектов.

4) Смена мирового лидера: вместо США (или совместно с США) лидером становится Китай, но мировой порядок остается преимущественно моноцентричным. Отсюда, с одной стороны, попытки со стороны США создания *G-2*, а с другой – постепенное усиление экономического, финансового и политического давления Китая на другие страны, реализация глобального проекта "Один пояс – один путь", ведущая к существенному и относительно быстрому переформатированию политических пространств. Однако политические и цивилизационно-культурные противоречия между США и Китаем очень велики, а Китай в ближайшие десятилетия не способен стать полноценным мировым политическим и военным лидером. В силу этого данный сценарий развития событий представляется наименее вероятным.

Таким образом, в ближайшие годы с высокой вероятностью будет происходить постепенное, но весьма драматичное переформатирование мировой политики с усилением полицентризма, взаимодействия различных мировых и региональных центров силы. Прежние политические пространства неизбежно будут трансформироваться, причем разрыв между наиболее динамичными и стагнирующими или деградирующими политическими пространствами увеличится и достигнет критического уровня. Подобные масштабные процессы переформатирования политических пространств и изменения геополитической картины мира неизбежно затронут и Россию, что актуализирует вопрос о готовности российского государства и российских политических элит к ответу на эти вызовы. Каковы в связи с этим возможности России осуществить переход к новой стратегии развития внутренних (Сибирь, Дальний Восток) и внешних (страны ЕАЭС) политических пространств, к оптимизации развития в ее базовых регионах, к решению острых проблем социального и политического неравенства, дисбалансов, формирования консолидирующей общество современной российской идентичности? Способность страны дать ответ на эти вызовы во многом определит судьбу и самой России, и многих иных государств современного глобализованного мира.

Айвазов А.Э., Пантин В.И. 2018. От столкновения к партнерству цивилизаций: новое мироустройство и проблема реформирования ООН. – *История и современность*. № 1-2. С. 88-108. https://doi.org/10.30884/iis/2018.01.05

Акимов А.В., Яковлев А.И. 2012. *Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития*. М.: Издательство Московского университета. 248 с.

Арбатова Н. 2017. Будущее европейской интеграции в контексте внутренних и внешних кризисов. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 10. С. 57-65. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-10-57-65

Вайнштейн Г. 2015. Евроскептицизм: новый фактор европейской политики. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 59. № 8. С. 40-48.

Вайнштейн Г. 2018. Европейский популизм в конце 2010-х. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 3. С. 29-38. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-29-38

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2016. *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Учитель. 496 с.

Ерасов Б.С. 2002. *Цивилизации: Универсалии и самобытность*. М.: Наука. 522 с.

Загладин Н. 2016. Переходные периоды в мировой политике. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60. № 12. С. 27-39. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-12-27-39

Зинькина Ю.В., Коротаев А.В. 2017. *Социально-демографическое развитие стран Тропической Африки: Ключевые факторы риска, модифицируемые управляющие параметры, рекомендации*. М.: ЛЕНАНД. 272 с.

Клаус В. 2016. Будущее международных институтов развития: могут ли их неудачи быть еще большими? – *Мир перемен*. № 1. С. 8-10.

Лапкин В.В., Пантин В.И. 2004. *Геоэкономическая политика и глобальная политическая история*. М.: Олита. 280 с.

Мир 2035. Глобальный прогноз. 2017. Под ред. А.А. Дынкина. М.: Магистр; ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. 352 с.

Модельски Д. 2005а. Эволюция глобальной политики (I). – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 62-82. https://doi.org/10.17976/jpps/2005.03.06

Модельски Д. 2005b. Эволюция глобальной политики (II). – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 124-1 42. https://doi.org/10.17976/jpps/2005.04.10

Окунев И.Ю. 2018. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий. – *Сравнительная политика*. № 1. С. 18-25. https://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-00002

Пантин В.И. 2017. Период 2017 – 2025 гг.: Перелом в мировом развитии. – *История и современность*. № 1. С. 3-27.

Пантин В.И., Лапкин В.В. 2014. *Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития*. Дубна: Феникс+. 456 с.

Прохоренко И.Л. 2015. *Пространственный подход в исследовании международных отношений*. М.: ИМЭМО РАН. 111 с.

Пушкарева Г.В. 2017. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 156-173. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11

Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. 2017. Аналитический доклад. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН. 229 с. https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0512-3

Семененко И.С. 2016. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 8-28. https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03

Фергюсон Н. 2016. *Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства*. М.: Издательство АСТ. 192 с.

Холодковский К.Г. 2016. Прецедент Брексита: проблемы выхода Великобритании из Европейского союза. – *Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и в России*. Отв. ред. В.И. Пантин, И.С. Семененко, В.В. Лапкин, К.Г. Холодковский. М.: ИМЭМО РАН. 183 с. С. 61-68.

Шаклеина Т. 2015. Лидерство и современный мировой порядок. – *Международные процессы*. Т. 13. № 4. С. 6-19.

Acharya A. 2014. *The End of American World Order*. Cambridge: Polity Press. 150 p.

Akaev A., Pantin V. 2014. Technological Innovations and Future Shifts in International Politics. – *International Studies Quarterly*. Vol. 58. No. 4. P. 867-872. https://doi.org/10.1111/isqu.12124

Arrighi G. 1994. *The Long Twentieth Century. Money, Power, and the Origins of Our Times*. New York: Verso. 400 p.

Arrighi G. 2007. *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-first Century*. London, New York: Verso. 418 p.

Bahramian B. 2012. *Transition to a New World Order: What We Leave Behind for the Next Generation*. Bloomington, IN: AuthorHouse. 308 p.

Brooks S.G., Wohlforth W.C. 2008. *World Out of Balance: International Relations and the Challenge of American Primacy*. Princeton: Princeton University Press. 248 p.

Colgan J.D., Keohane R.O. 2017. The Liberal Order is Rigged: Fix It Now or Watch It Wither. – *Foreign Affairs*. Vol. 96. No. 3. P. 36-44. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2017-04-17/liberal-order-rigged (accessed 07.08.2018).

Duncombe C., Dunne T. 2018. After Liberal World Order. – *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. P. 25-42. https://doi.org/10.1093/ia/iix234

Etzioni A. 2012. The Devolution of American Power. – *The Fletcher Forum of World Affairs*. Vol. 37. No. 1. P. 13-34. URL: https://static1.squarespace.com/static/579f-

c2ad725e253a86230610/t/57ec7e47d1758e495873c8e5/1475116621830/Etzioni_37-1.pdf (accessed 07.08.2018).

Frank A.G. 1998. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press. 416 p.

Gordon R.J. 2016. *The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War*. Princeton: Princeton University Press. 784 p.

Grinin L.E. 2013. The Tiger and Dragon. Development Models and Perspectives of India and China. – *Journal of Globalization Studies*. Vol. 4. No. 1. P. 5-31. URL: https://www.sociostudies.org/journal/files/jogs/2013_1/005-031%20Grinin.pdf (accessed 07.08.2018).

Grinin L.E., Korotayev A.V. 2009. Social Macroevolution: Growth of the World System Integrity and a System of Phase Transitions. – *World Futures*. Vol. 65. No. 7. P. 477-506. https://doi.org/10.1080/02604020902733348

Huntington S.P. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster. 368 p.

Ikenberry G.J. 2011. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press. 392 p.

Ikenberry G.J. 2018a. The End of Liberal International Order? – *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. P. 7-23. https://doi.org/10.1093/ia/iix241

Ikenberry G.J. 2018b. Reflections on After Victory. – *The British Journal of Politics and International Relations*. Article first published online: August 10, 2018. https://doi.org/10.1177/1369148118791402 URL: http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1369148118791402#_i1 (accessed 12.08.2018).

Ikenberry G.J., Mastanduno M., Wohlforth W.C. 2009. Introduction: Unipolarity, State Behavior, and Systemic Consequences. – *World Politics*. Vol. 61. No. 1. P. 1-27. https://doi.org/10.1017/S004388710900001X

Ikenberry G.J., Parmar I., Stokes D. 2018. Introduction: Ordering the World? Liberal Internationalism in Theory and Practice. – *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. P. 1-5. https://doi.org/10.1093/ia/iix277

Jervis R. 2009. Unipolarity: A Structural Perspective. – *World Politics*. Vol. 61. No. 1. P. 188-213. https://doi.org/10.1017/S0043887109000070

Kai He. 2012. Undermining Adversaries: Unipolarity, Threat Perception, and Negative Balancing Strategies after the Cold War. – *Security Studies*. Vol. 21. No. 2. P. 154-191. https://doi.org/10.1080/09636412.2012.679201

Layne Ch. 2006. The Unipolar Illusion Revisited: The Coming End of the United States' Unipolar Moment. – *International Security*. Vol. 31. No. 2. P. 7-41. https://doi.org/10.1162/isec.2006.31.2.7

Layne Ch. 2012. This Time It's Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana. – *International Studies Quarterly*. Vol. 56. No. 1. P. 203-213. https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2011.00704.x

Mann J. 2012. *The Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power*. New York: Penguin Books. 416 p.

Mearsheimer J.J. 2001. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton & Company. 592 p.

Modelski G. 1987. *Long Cycles in World Politics*. London: Macmillan. 244 p.

Modelski G., Thompson W.R. 1996. *Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics*. Columbia, SC.: University of South Carolina Press. 263 p.

Monteiro N.P. 2011/2012. Unrest Assured: Why Unipolarity Is Not Peaceful. – *International Security*. Vol. 36. No. 3. P. 9-40. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00064

Monteiro N.P. 2014. *Theory of Unipolar Politics (Cambridge Studies in International Relations)*. New York. Cambridge University Press. 286 p. https://doi.org/10.1017/CBO9781107449350

Multipolarity in the 21st Century: A New World Order. 2012. Ed. by D. Murray, D. Brown. New York. Routledge. 224 p.

Reich S., Lebow R.N. 2014. *Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System*. Princeton: Princeton University Press. 208 p.

Schweller R.L., Pu X. 2011. After Unipolarity, China's Vision of International Order in an Era of US Decline. – *International Security*. Vol. 36. No. 1. P. 41-72. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00044

Steff R., Khoo N. 2014. Hard Balancing in the Age of American Unipolarity: The Russian Response to US Ballistic Missile Defense during the Bush Administration (2001-2008). – *Journal of Strategic Studies*. Vol. 37. No. 2. P. 222-258. https://doi.org/10.1080/01402390.2013.866556

Stokes D. 2018. Trump, American Hegemony and the Future of the Liberal International Order. – *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. P. 133-150. https://doi.org/10.1093/ia/iix238

Tizzard D.A. 2017. American Unipolarity: The Uneven Distribution of Power. – *Global Politics Review*. Vol. 3. No. 2. P. 10-25. URL: http://www.globalpoliticsreview.com/publications/2464-9929_v03_i02_p010.pdf (accessed 10.08.2018).

Todd S.S. 2010. Goliath's Curse: Coercive Threats and Asymmetric Power. – *International Organization*. Vol. 64. No. 4. P. 627-660. https://doi.org/10.1017/S0020818310000214

Toohey L., Picker C.B. 2015. China in the International Economic Order: New Directions and Changing Paradigms. – *China in the International Economic Order: New Directions and Changing Paradigms*. Ed. by L. Toohey, C.B. Picker, J. Greenacre. New York; Cambridge: Cambridge University Press. P. 1-8.

Wallerstein I. 2004. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham: Duke University Press. 128 p.

Walt S.M. 2005. *Taming American Power: The Global Response to US Primacy*. New York: W.W. Norton & Company. 320 p.

Waltz K.N. 1993. The Emerging Structure of International Politics. – *International Security*. Vol. 18. No. 2. P. 44-79. https://doi.org/10.2307/2539097

Zakaria F. 2008. *The Post-American World*. New York, London: W.W. Norton & Company. 304 p.

DOI: 10.17976/jpps/2018.06.04

TRANSFORMING OF POLITICAL SPACES: TOWARD POLYCENTRIC WORLD ORDER

V.I. Pantin[1], V.V. Lapkin[1]

[1] Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

PANTIN Vladimir Igorevich, Dr. Sci. (Philos.), Head of Department, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: v.pantin@mail.ru; **LAPKIN Vladimir Valentinovich,** Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: vvlh@politstudies.ru

Pantin V.I., Lapkin V.V. Transforming of Political Spaces: Toward Polycentric World Order. – Polis. Political Studies. 2018. No. 6. P. 47-66. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.04

Received: 16.08.2018. Accepted: 05.09.2018

Abstract. The article analyzes the key factors, trends and prospects for the transformation of political spaces in the context of transition to a polycentric world order. In this, transformation of political spaces is understood primarily as a change in the structure of relations of political actors operating in the politico-institutional, socio-political, and the sphere of identity policy, resulting in a change in their geopolitical significance and status in the world politics. The authors emphasize the following factors due to their significant impact on the transformation and reconfiguration of political spaces: 1) increasing role in the world politics and economy of non-Western countries; 2) migration crisis and the cleavage among the EU and U.S. elites; 3) phenomenon of secession, separatism and "new nationalism" in the EUcountries; 4) aggravation of U.S. relations with Russia, China and the EU; 5) contradictory consequences of technological, social and political innovations. The authors focus on the analytical and forecasting potential of the institutional, world-system and system-evolutionary approaches to the study of the reshuffling of political spaces – both that already take place and that are likely to happen in the coming 25 years. The authors show that in the modern era, the reformatting of political spaces (including rising separatism, regional conflicts and geopolitical shifts) relates primarily with the competitive dynamics of world or regional centers of political, economic and military power that shape various regional alliances and associations around them. Based on the analysis of this trend in the selected temporal perspective, the authors outline and describe the most probable scenarios of large-scale reshaping of political spaces and geopolitical shifts towards the polycentric world-order.

Keywords: political spaces; transformation of political spaces; world order; polycentrism; spatial identity; separatism; political institutions; the world power center; regional unions; geopolitical and geo-economic revolution; European Union; U.S.; Russia; China.

References

Acharya A. *The end of American World Order*. Cambridge: Polity Press. 2014. 150 p.

Aivazov A.E., Pantin V.I. From the Clash of Civilizations to their Partnership: The New World Order and the Problem of the UN Reforming. – *Istoriya i sovremennost'*. 2018. No. 1-2. P. 88-108. (In Russ.) https://doi.org/10.30884/iis/2018.01.05

Akaev A., Pantin V. Technological Innovations and Future Shifts in International Politics. – *International Studies Quarterly*. 2014. Vol. 58. No. 4. P. 867-872. https://doi.org/10.1111/isqu.12124

Akimov A.V., Yakovlev A.I. *Tsivilizatsii v XXI veke: problemy i perspektivy razvitiya* [Civilizations in the 21st Century: Problems and Prospects for Development]. Moscow: Moscow University Press. 2012. 248 p. (In Russ.)

Arbatova N. Future of European Integration in the Context of Internal and External Crises. – *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017. Vol. 61. No. 10. P. 57-65. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-10-57-65

Arrighi G. *The Long Twentieth Century. Money, Power, and the Origins of Our Times*. New York: Verso. 1994. 400 p.

Arrighi G. *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-first Century*. London, New York: Verso. 2007. 418 p.

Bahramian B. *Transition to a New World Order: What We Leave Behind for the Next Generation*. Bloomington, IN: AuthorHouse. 2012. 308 p.

Brooks S.G., Wohlforth W.C. *World Out of Balance: International Relations and the Challenge of American Primacy*. Princeton: Princeton University Press. 2008. 248 p.

Colgan J.D., Keohane R.O. The Liberal Order is Rigged: Fix It Now or Watch It Wither. – *Foreign Affairs*. 2017. Vol. 96. No. 3. P. 36-44. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2017-04-17/liberal-order-rigged (accessed 07.08.2018).

Duncombe C., Dunne T. After Liberal World Order. – *International Affairs*. 2018. Vol. 94. No. 1. P. 25-42. https://doi.org/10.1093/ia/iix234

Etzioni A. The Devolution of American Power. – *The Fletcher Forum of World Affairs*. 2012. Vol. 37. No. 1. P. 13-34. URL: https://static1.squarespace.com/static/579fc2ad725e253a86230610/t/57ec7e47d1758e495873c8e5/1475116621830/Etzioni_37-1.pdf (accessed 07.08.2018).

Ferguson N.C. The Great Degeneration: How Institutions Decay and Economies Die. (Russ. ed.: Ferguson N. *Velikoe vyrozhdenie. Kak razrushayutsya instituty i gibnut gosudarstva*. Moscow: AST Publishers; Corpus. 2016. 192 p.)

Frank A.G. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press. 1998. 416 p.

Gordon R.J. *The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War*. Princeton: Princeton University Press. 2016. 784 p.

Grinin L.E. The Tiger and Dragon. Development Models and Perspectives of India and China. – *Journal of Globalization Studies*. 2013. Vol. 4. No. 1. P. 5-31. URL: https://www.sociostudies.org/journal/files/jogs/2013_1/005-031%20Grinin.pdf (accessed 07.08.2018).

Grinin L.E., Korotayev A.V. Social Macroevolution: Growth of the World System Integrity and a System of Phase Transitions. – *World Futures*. 2009. Vol. 65. No. 7. P. 477-506. https://doi.org/10.1080/02604020902733348

Grinin L.E., Korotaev A.V. *Blizhnii Vostok, Indiya i Kitai v globalizatsionnykh protsessakh* [The Middle East, India and China in globalization processes]. Moscow: Uchitel Publishing House. 2016. 496 p. (In Russ.)

Erasov B.S. *Tsivilizatsii: Universalii i samobytnost'* [Civilizations: Universals and Identity]. Moscow: Nauka Publishers. 2002. 522 p. (In Russ.)

Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster. 1996. 368 p.

Ikenberry G.J. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press. 2011. 392 p.

Ikenberry G.J. The End of Liberal International Order? – *International Affairs*. 2018a. Vol. 94. No. 1. P. 7-23. https://doi.org/10.1093/ia/iix241

Ikenberry G.J. Reflections on After Victory. – *The British Journal of Politics and International Relations*. 2018b. Article first published online: August 10, 2018. https://doi.org/10.1177/1369148118791402 URL: http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1369148118791402#_i1 (accessed 12.08.2018).

Ikenberry G.J., Mastanduno M., Wohlforth W.C. Introduction: Unipolarity, State Behavior, and Systemic Consequences. – *World Politics*. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 1-27. https://doi.org/10.1017/S004388710900001X

Ikenberry G.J., Parmar I., Stokes D. Introduction: Ordering the World? Liberal Internationalism in Theory and Practice. – *International Affairs*. 2018. Vol. 94. No. 1. P. 1-5. https://doi.org/10.1093/ia/iix277

Jervis R. Unipolarity: A Structural Perspective. – *World Politics*. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 188-213. https://doi.org/10.1017/S0043887109000070

Kai He. Undermining Adversaries: Unipolarity, Threat Perception, and Negative Balancing Strategies after the Cold War. – *Security Studies*. 2012. Vol. 21. No. 2. P. 154-191. https://doi.org/10.1080/09636412.2012.679201

Kholodkovskii K.G. Pretsedent Breksita: problemy vykhoda Velikobritanii iz Evropeiskogo soyuza [Precedent Brexit: the Problem of Britain's Withdrawal from the European Union]. – *Prognozirovanie sotsial'no-politicheskikh protsessov i konfliktov v stranakh Zapada i v Rossii*. Ed. by V.I. Pantin, I.S. Semenenko [Forecasting Social and Political Processes and Conflicts in the West and in Russia. Ed. by V.I. Pantin, I.S. Semenenko, V.V. Lapkin, K.G. Kholodkovsky]. Moscow: IMEMO RAN. 2016. 183 p. (In Russ.)

Klaus V. The Future of International Development Institutions: Can Their Failures Be Even Greater? – *Mir peremen*. 2016. No. 1. P. 8-10. (In Russ.)

Lapkin V.V., Pantin V.I. *Geoekonomicheskaya politika i global'naya politicheskaya istoriy*a [Geoeconomic Policy and Global Political History]. Moscow: Olita Publishers. 2014. 280 p. (In Russ.)

Layne Ch. The Unipolar Illusion Revisited: The Coming End of the United States' Unipolar Moment. – *International Security*. 2006. Vol. 31. No. 2. P. 7-41. https://doi.org/10.1162/isec.2006.31.2.7

Layne Ch. This Time It's Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana. – *International Studies Quarterly*. 2012. Vol. 56. No. 1. P. 203-213. https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2011.00704.x

Mann J. *The Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power*. New York: Penguin Books. 2012. 416 p.

Mearsheimer J.J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton & Company. 2001. 592 p.

Mir 2035. Global'nyi prognoz (pod red. A.A. Dynkina) [World 2035. Global Forecast. Ed. by A.A. Dynkin]. Moscow: Magistr; Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 2017. 352 p. (In Russ.)

Modelski G. *Long Cycles in World Politics*. London: Macmillan. 1987. 244 p.

Modelski G. The Evolution of Global Politics (I). – *Polis. Political Studies*. 2005. No. 3. P. 62-82. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2005.03.06

Modelski G. The Evolution of Global Politics (II). – *Polis. Political Studies*. 2005. No. 4. P. 124-142. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2005.04.10

Modelski G., Thompson W.R. *Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics*. Columbia, SC.: University of South Carolina Press. 1996. 263 p.

Monteiro N.P. Unrest Assured: Why Unipolarity Is Not Peaceful. – *International Security*. 2011/2012. Vol. 36. No. 3. P. 9-40. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00064

Monteiro N.P. *Theory of Unipolar Politics (Cambridge Studies in International Relations)*. New York. Cambridge University Press. 2014. 286 p. https://doi.org/10.1017/CBO9781107449350

Multipolarity in the 21st Century: A New World Order. Ed. by D. Murray, D. Brown. New York. Routledge. 2012. 224 p.

Okunev I.Yu. Territorial and Spatial Identity: New Approach to the Basic Concepts. – *Comparative Politics Russia*. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 18-25. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-00002

Pantin V.I. Period 2017-2025: A Turning Point in the World Development. – *Istoriya i sovremennost'*. 2017. No. 1. P. 3-27. (In Russ.)

Pantin V.I., Lapkin V.V. *Istoricheskoe prognozirovanie v XXI veke: Tsikly Kondrat'eva, evolyutsionnye tsikly i perspektivy mirovogo razvitiya* [Historical Forecasting in the 21st century: Kondratieff's Cycles, Evolutionary Cycles and Prospects for World Development]. Dubna: Phoenix-plus. 2014. 456 p. (In Russ.)

Prokhorenko I.L. *Prostranstvennyi podkhod v issledovanii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Spatial Approach in International Relations Studies]. Moscow: IMEMO. 2015. 111 p. (In Russ.)

Pushkaryova G.V. Ideas and Values as a Method of Constructing Symbolic Space of the National Identity. – *Polis. Political Studies*. 2017. No. 5. P. 156-173. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11

Regulirovanie etnopoliticheskoi konfliktnosti i podderzhanie grazhdanskogo soglasiya v usloviyakh kul'turnogo raznoobraziya: modeli, podkhody, praktiki. Analiticheskii doklad (otv. red. I.S. Semenenko) [Regulating Interethnic Conflicts and Building Civic Concord in a World of Cultural Diversity: Models, Approaches, and Practices. Analytical report. Ed. by I. Semenenko]. Moscow: IMEMO. 2017. 229 p. https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0512-3

Reich S., Lebow R.N. *Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System*. Princeton: Princeton University Press. 2014. 208 p.

Schweller R.L., Pu X. After Unipolarity, China's Vision of International Order in an Era of US Decline. – *International Security*. 2011. Vol. 36. No. 1. P. 41-72. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00044

Semenenko I.S. Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context. – *Polis. Political Studies*. 2016. No. 4. P. 8-28 (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03

Shakleina T. Leadership and Contemporary World Order. – *International Trends*. 2015. Vol. 13. No. 4 (43). P. 6-19. https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.4.43.1

Steff R., Khoo N. Hard Balancing in the Age of American Unipolarity: The Russian Response to US Ballistic Missile Defense during the Bush Administration (2001-2008). – *Journal of Strategic Studies*. 2014. Vol. 37. No. 2. P. 222-258. https://doi.org/10.1080/01402390.2013.866556

Stokes D. Trump, American Hegemony and the Future of the Liberal International Order. – *International Affairs*. 2018. Vol. 94. No. 1. P. 133-150. https://doi.org/10.1093/ia/iix238

Tizzard D.A. American Unipolarity: The Uneven Distribution of Power. – *Global Politics Review*. 2017. Vol. 3. No. 2. P. 10-25. URL: http://www.globalpoliticsreview.com/publications/2464-9929_v03_i02_p010.pdf (accessed 10.08.2018).

Todd S.S. Goliath's Curse: Coercive Threats and Asymmetric Power. – *International Organization*. 2010. Vol. 64. No. 4. P. 627-660. https://doi.org/10.1017/S0020818310000214

Toohey L., Picker C.B. China in the International Economic Order: New Directions and Changing Paradigms. – *China in the International Economic Order: New Directions and Changing Paradigms*. Ed. by L. Toohey, C.B. Picker, J. Greenacre. New York; Cambridge: Cambridge University Press. 2015. P. 1-8.

Vainshtein G. Euroscepticism: New Factor of European Politics. – *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2015. Vol. 59. No. 8. P. 40-48. (In Russ.)

Vainshtein G. European Populism in the Late 2010s. – *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018. Vol. 62. No. 3. P. 29-38. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-29-38

Wallerstein I. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham: Duke University Press. 2004. 128 p.

Walt S.M. *Taming American Power: The Global Response to US Primacy*. New York: W.W. Norton & Company. 2005. 320 p.

Waltz K.N. The Emerging Structure of International Politics. – *International Security*. 1993. Vol. 18. No. 2. P. 44-79. https://doi.org/10.2307/2539097

Zagladin N. Transition Periods in World Politics. – *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. Vol. 60. No. 12. P. 27-39. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-12-27-39

Zakaria F. *The Post-American World*. New York, London: W.W. Norton & Company. 2008. 304 p.

Zin'kina Yu.V., Korotaev A.V. *Sotsial'no-demograficheskoe razvitie stran Tropicheskoi Afriki: Klyuchevye faktory riska, modifitsiruemye upravlyayushchie parametry, rekomendatsi* [Socio-Demographic Development Countries of Tropical Africa: Key Risk Factors, Modifiable Control Parameters]. Moscow: LENAND Publishers. 2017. 272 p. (In Russ.)